

Мурзилка №10

ОКТАБРЬ

1943 г.

Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов

КТО ОН?

(Рассказ в стихах)

В гости прибыл к нам когда-то
Мистер Твистер, интурист.
Был одет щеголевато,
А собою неказист.

С голубым цветком в петлице,
В белой шляпе набекрень,
Колесил он по столице
На машине целый день.

За рекой, в тиши окраин,
Он у спутника спросил:
«Извините, кто хозяин
Этих загородных вилл?»

Из окна автомобиля
Спутник вывеску прочёл
И сказал: «На этой вилле
Отдыхает комсомол».

В тихом парке, на лужайке,
Высоко взлетает мяч.
Паренёк в зелёной майке
За мячом несётся вскачь.

«Чья спортивная площадка?
Кто играет в баскетбол?»
Проводник ответил кратко
Тем же словом: «Комсомол».

Мимо берега крутого
Пароход, гудя, прошёл.
На борту блестело слово
Золотое: «Комсомол».

Мистер Твистер хитровато
Бровью правою повёл
И сказал: «Живёт богато
Этот мистер Комсомол!»

«Да,— сказал он,— непременно
На прощанье надо мне
Поглядеть на джентльмена,
Столь известного в стране!»

Мимо каменных заборов
Едет за город турист,
Слышит ровный гул моторов
И ремней протяжный свист.

Надпись чёткую у входа
Переводчик перевёл:
«Комсомольский цех завода»
«Вот он, мистер Комсомол!»

Шли с винтовками ребята
Из ворот военных школ.
«Вот,— промолвил провожа-
тый,—
Вот он, мистер Комсомол!»

Над домами реял лётчик,
Как над скалами орёл.
«Вот,— воскликнул перевод-
чик,—
Вот он, мистер Комсомол!»

На обложке рисунок Н. Ходатаева:

«РОДИНА САЛЮТУЕТ НАШИМ ПОБЕДОНОСНЫМ ВОЙСКАМ».

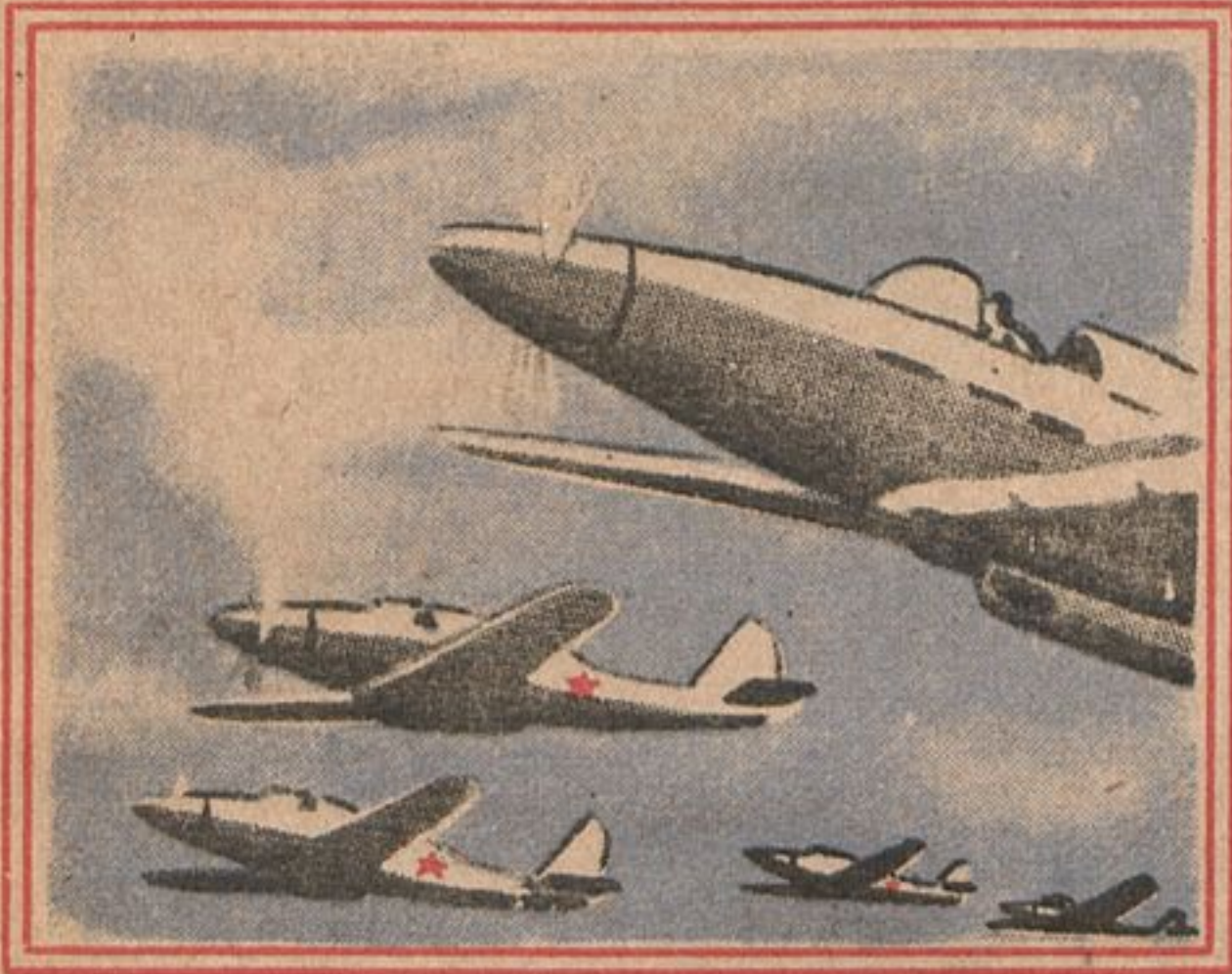
ПРИВЕТ ЛЕНИНСКО-СТАЛИНСКОМУ КОМСОМОЛУ В ДЕНЬ ЕГО ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЯ!

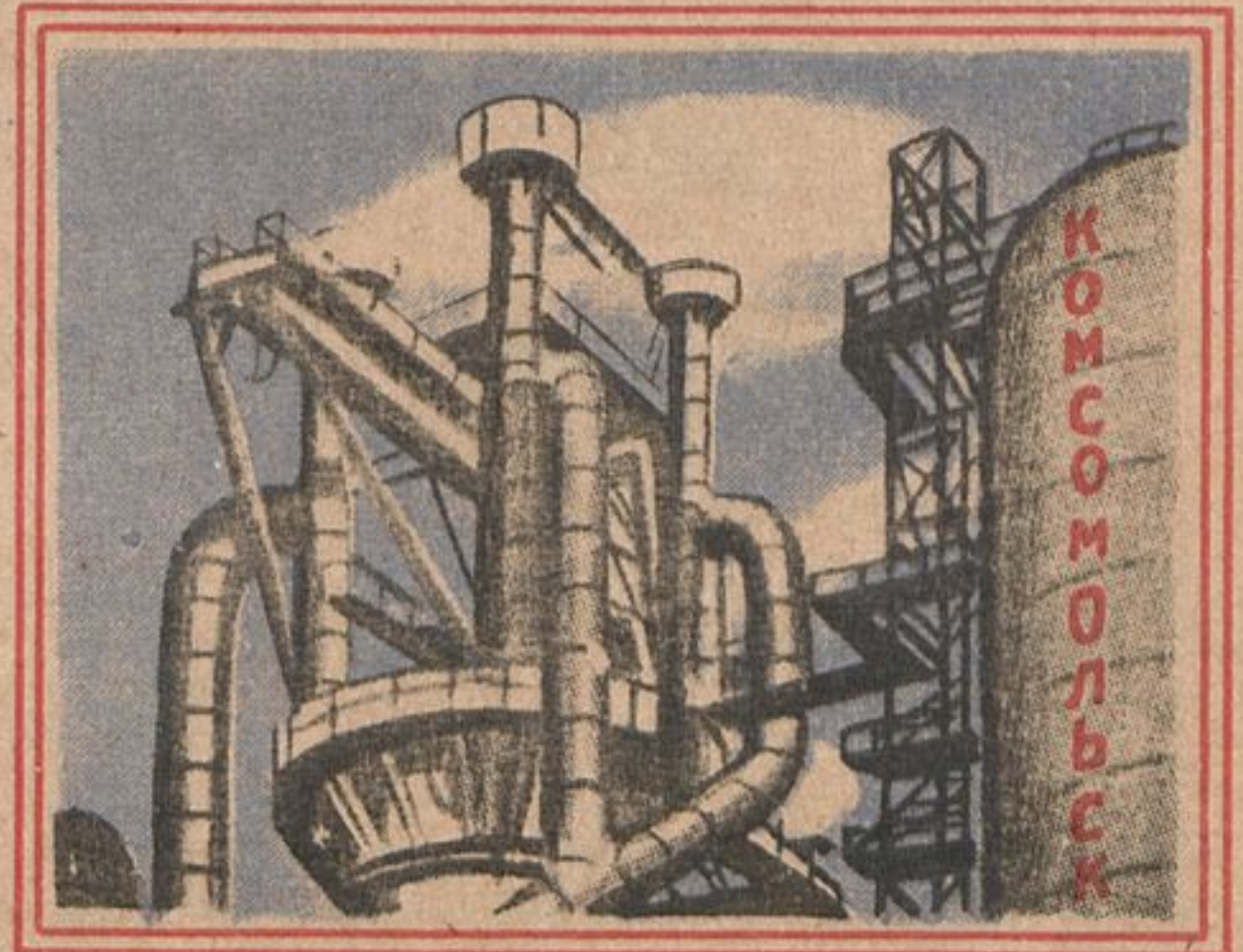
ЭТО НАЗВАНО ИМЕНЕМ КОМСОМОЛА

Верные помощники партии — комсомольцы

XLIV-709

своими руками строят эскадрильи
самолётов и сами ведут их в бой,

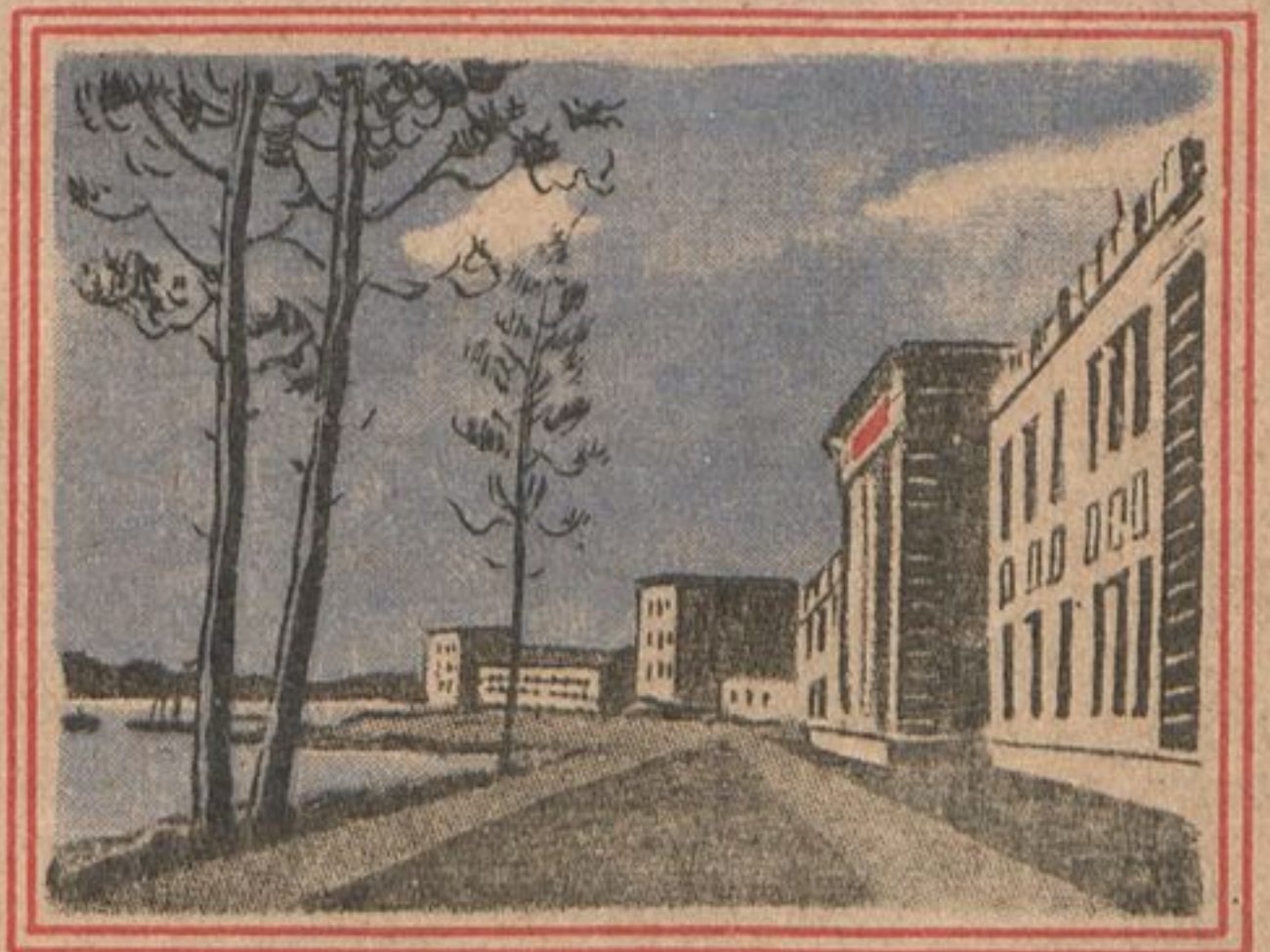

своими руками построили домну и плавят
сталь и чугун на танки и пушки для
Красной Армии,

Станция Комсомольская

своими руками вырыли подземную
железную дорогу — московское метро,

своими руками построили целый город —
Комсомольск.

АЛЕКСАНДР ИСБАХ

Рис. А. КОМАРОВА

БЕРЁЗА

Она уцелела каким-то чудом. Осколки и пули посекали всё вокруг. И там, где шумел на ветру своими ветвями молодой березняк, остались одни обгорелые пни и расщепленные, разбитые стволы деревьев, похожие на обугленные человеческие трупы. А она попрежнему стояла наперекор всему. Наперекор огненным ливням, несущимся из вражеских окопов.

Она была не раз уже ранена. Из глубоких надразов обильно выступал светлый прозрачный сок. Срезанные ветки с темнозелеными листьями устилали землю у её подножья. И после каждого огневого налёта мы тревожно выглядывали из блиндажа: цела ли она, наша берёза?

Для каждого из нас берёза была его родным лесом, его садом, частицей самого дорогого, что было в его жизни.

Дни стояли знойные и душные. Мы задыхались от жары в маленьком тесном блиндаже. Порою, когда огонь противника стихал, мы выбирались на воздух, подползали к нашей берёзе,

ложились на спину и смотрели сквозь зелёное кружево веток прямо в небо. Наш сержант Паша Семенюк тихим и немного грустным голосом запевал:

Вó поле берёзанька стояла,
Вó поле кудрявая стояла...

И мы про себя, шопотом, чтоб не услышали немцы, скорее сердцем, чем губами, подтягивали:

Вó поле кудрявая стояла...

И нам казались невыразимо прекрасными эти простые слова песни.

Мы так и звали её про себя—не берёза, а берёзанька.

А было нас в блиндаже восемь человек. Восемь самых различных людей, со всех концов огромной родной земли. Было нам всем вместе сто пятьдесят два года. Никто не дожил ещё до своей двадцатой весны. С трёх сторон нас окружали враги. Назывались мы: «Боевое охранение». И сильно гордились строгими и чеканными словами этого названия.

С каждым часом вражеский огонь всё

усиливался. Три раза немцы шли в атаку. Многие были уже оцарапаны пулями, и кровь наша смешалась на укатанной земле боевых гнёзд. Но мы не просили помощи. У нас было много патронов. Пулемёты работали безотказно, и немцы с криками откатывались назад.

Мы знали важное значение нашего рубежа и поклялись не отступить ни на шаг. Это была суровая немногословная мужская клятва.

Как раз в тот день нашему сержанту исполнилось двадцать лет. Все мы поздравили его и подарили ему разные мелкие вещи из своего личного имущества. Я отдал ему свой знаменитый финский нож со стеклянной рукоятью, которому завидовал весь взвод. Съели мы к обеду по лишнему сухарю, и, несмотря на вражеский налёт, был у нас в тот день праздник.

Только к вечеру загрустил Паша Семенюк, наш сержант и командир. Мы видели все, что его гнетёт тяжёлая забота, и не решались спросить, чтоб не разбередить неясной ещё для нас боли. Знали мы: если нужно—сам скажет сержант, сам поделится со своими побратимами. Так и случилось.

— Ребята,—сказал, наконец решившись, Паша Семенюк,—придётся спилить нашу берёзу.

Он оглушил нас этими неожиданными словами. Мы нахмурились и помрачнели.

— Ребята,—опять повторил Семенюк хриловатым голосом,—наша берёза не просто берёза. Она есть теперь отдельно стоящее дерево. Она ориентир. Я это в точности понял сегодня. По причине этого ориентира немцы ведут прицельный огонь по нашему блиндажу. Ребята! Мы боевой дозор. Мы не можем рисковать, ребята.

И, точно боясь, что мы начнём его отговаривать, Семенюк приказал:

— Шумейко, ночью пойдёте со мной пилить.

Нам было горько и тяжело. Но мы не сказали ни слова. И особенно горько

было мне, потому что именно меня назначил сержант пилить нашу берёзу.

Ночь выдалась тёмная. Мы взяли пилу и, стараясь не звенеть, выбрались из блиндажа и подползли к берёзе. Тихий ветерок раскачивал её ветви. Когда я приподнялся, чтобы поправить пилу, одна ветка коснулась моей шеи. Точно берёза узнала меня и погладила нежно и ласково. У меня перехватило дыхание. Я посмотрел на Семенюка. Он сидел под деревом, полузакрыв глаза, и глубоко дышал.

Мы спилили нашу берёзу. Она без ропота, без стога повалилась на землю. Может быть, берёза ясно понимала, что нельзя стонать—кругом были немцы.

Во поле берёзанька стояла,
Во поле кудрявая...

— За мной!—приказал Семенюк каким-то чужим голосом и, обхватив ствол берёзы, приподнял его над землёй. Не понимая ещё смысла его приказания, я помог ему нести берёзу. Мы тащили её не меньше трехсот метров. И это было так, точно уносишь тело раненого товарища с поля боя. Но мы ведь сами нанесли ей смертельную рану, и залечить её было уже невозможно.

Непонятный замысел сержанта всё более беспокоил меня. Мы выкопали глубокую яму и поставили в неё берёзу. Потом Семенюк, думая, что я не вижу этого, легонько погладил берёзу по стволу, и мы поползли обратно в блиндаж.

— Старый ориентир,—шепнул мне сержант,—на новом месте!

И я понял военную хитрость сержанта Павла Семенюка. Он отводил немецкий огонь от нашего окопа. Прежде чем мы опять влезли в блиндаж, я крепко пожал его руку. Он смутился.

— Я, кажется, забыл тебя поблагодарить,—сказал он тихо.—Спасибо тебе за ножик. Ты хороший товарищ, Вася.

Наутро опять взошло яркое солнце и опять начался жестокий налёт. Но на этот раз мины и пули пролетали в стороне от нашего блиндажа. И ни один осколок не врезался в стенки окопа. Немцы били по своему ориентиру, по отдельно стоящему дереву.

А мы смотрели в амбразуры и, хотя нам было очень жалко нашей берёзы, весело смеялись над немцами и произносили немало насмешливых и солёных слов по их адресу.

Вечером налёт прекратился. В ответ наша артиллерия тяжёлыми снарядами била по врагу. Паша Семенюк первый вылез из блиндажа. Он вернулся хмурый и мрачный. И на вопрошающие наши взгляды он только махнул рукой к выходу. Я тревожно выглянул из окопа. В расстоянии трёхсот метров от блиндажа стояло голое, обгоревшее, расщепленное дерево. Это была наша кудрявая, наша ветвистая берёза.

И опять ночью, без предварительного

уговора, мы поползли с Пашей Семенюком к берёзе. Мы подняли ветку, валяющуюся на земле, ветку с узорчатыми и зелёными листьями. Мы принесли эту ветку в блиндаж. Мы сорвали с ветки восемь листков, с нежными, ещё, казалось, живыми жилками. И каждый из нас взял по листку и положил в свой комсомольский билет.

Мы сохраним эти листки навечно. Мы будем глядеть на эти засохшие листья и вспоминать нашу горячую молодость, и нашу дружбу, боевой дозор, и блиндаж, и нашу берёзу.

И если кому-нибудь из нас плохо придётся в жизни, пусть пришлёт своему другу, своему побратиму этот зелёный листок. И где бы мы ни были, отовсюду мы придём ему на помощь.

А в один прекрасный день,—я не знаю, когда это будет, и, может быть, нам всем вместе будет тогда лет пятьсот,—мы опять соберёмся под какой-нибудь молодой, зелёной и ветвистой берёзой, и мы ляжем на горячую, сочную, солнечную землю, землю нашей родины, и взглянем сквозь узор пышных ветвей в голубое высокое небо, и споём нашу старую, родную и любимую русскую песню:

Вó поле берёзанька стояла,
Вó поле кудрявая стояла...

ИГОРЁК

В. СКРЫЛЬНИКОВА

Рис. Н. ХОДАТАЕВА

Маленькая быстрая речка Алма-Атинка шумела так сильно, что казалось, тысячи пчёл прилетели сюда с лесистых зелёных склонов гор.

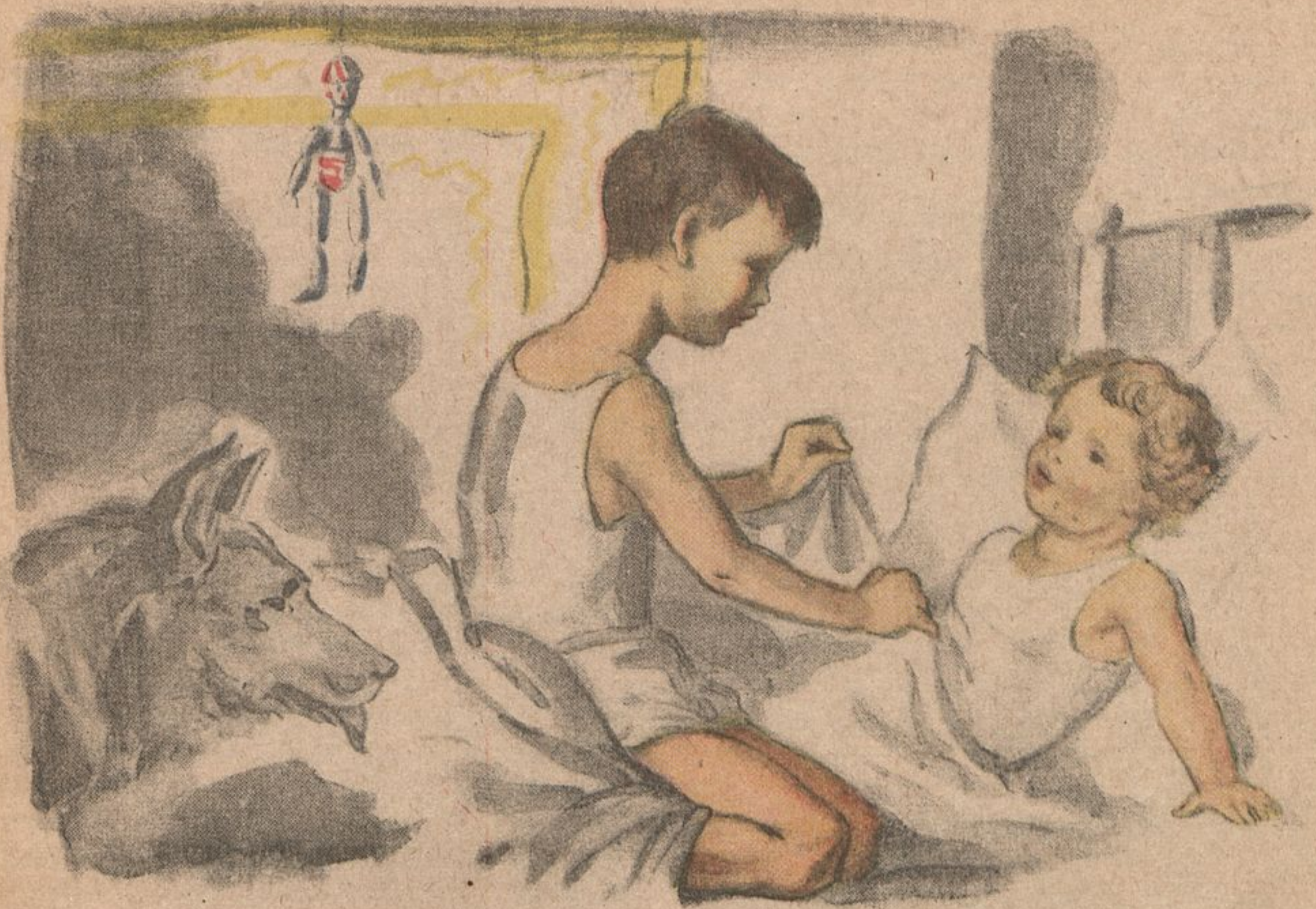
Вдоль крутого берега речки, под тенью высоких дубов, шла широкая тропа, усеянная опавшими листьями.

На самом краю тропы, в густой тени деревьев всё лето занимались бойцы. Они изучали пулемёт.

Возле них, тоже в тени, на большом плоском камне часто сидел мальчик.

Сидел он бывало так долго, что дубы, беспрестанно ронявшие листья в речку, успевали засыпать ими и берег и воду, и на камне оставался свободным от них только маленький кружок, на котором помещался мальчик.

Его глаза, синие и ясные, как горные озёрца, были всегда устремлены на командира и бойцов. Было ему немного лет, но он уже давно решил стать пулемётчиком. Его звали Игорёк. У него было такое нежное лицо, что многие

прохожие принимали его за девочку. Это его очень огорчало. Но он не жаловался на это никому, кроме своей собаки Джека, который охранял его дом, стоявший тут же напротив камня, за забором, под сенью старых яблонь.

Отец Игорька был в самом начале войны убит на фронте, а мать служила в городе, в большом госпитале, и Игорёк целыми днями оставался дома один.

Игорёк очень любил свою мать. Она была маленькая и сильно кашляла, а глаза у неё были такие же синие, как у Игорька. Она часто их закрывала, даже когда и не спала. Тогда, тихий всегда, Игорёк старался ходить ещё тише.

Он вставал по утрам очень рано, подметал комнаты и двор, приносил в маленьком ведёрке воды, черпая её прямо из реки, а листья, опавшие за ночь с дубов, собирал в мешок и складывал их на зиму в сарайчик, возле большой кучи тяжёлого, как железо, саксаула. Потом

он приносил из булочной хлеб. И много других дел выполнял ещё Игорёк. Но разве это была настоящая работа? Конечно, нет. Вся его душа стремилась скорее к бойцам, туда, где у реки лежал большой плоский камень.

Вчера Игорёк был счастлив: командир дал ему положить руку на пулемёт. Он держался за него почти целую минуту. А завтра или послезавтра бойцы поедут на фронт и возьмут с собой Игорька и Джека. Игорёк с нетерпением ждал этого часа.

Но однажды в ясный осенний день берег шумной речки опустел. Бойцы не пришли сюда с пулемётом, не приходили они и на следующий день. Не раз Игорёк стремительно выбегал из комнаты и бросался на улицу, лишь только замечал из окна проходящих мимо бойцов. Но через минуту он уже грустно шёл обратно, прятался в угол сарая и плакал там, пока Джек не подходил к нему и не тыкал его носом в грудь.

— Это не мои бойцы—это другие, они не знают, что я ведь тоже пулемётчик,— говорил он Джеку.—Но всё-таки я буду пулемётчиком и буду бить немцев, буду их сильно бить...

И Игорёк решил тайно от матери уйти с Джеком на фронт. В ночь перед уходом Игорёк волновался, лёжа в своей постели. Он не спал даже и тогда, когда вернулась с вечерней смены его мать. Игорёк притворился спящим.

В дверь кто-то постучал. К матери вошла соседка и спросила:

— Что же вы решили, Евгения Васильевна?

Игорёк прислушался.

— Я решила, — твёрдо ответила мать, — усыновить Алика.

Алик был двоюродный брат Игорька. Ему было всего три года, и был он уже круглым сиротой: и мать и отец Алика погибли на войне.

— Но ведь вам же будет очень тяжело, — сказала соседка.

— Нет, у меня ведь есть Игорёк, — сказала мать тихим голосом.—Без него я бы уж давно слегла. Он так много делает для меня: ходит за водой, за хлебом. Он мне спасает жизнь. Он поможет мне и Алика приютить. И ему же будет веселей.

Игорёк лежал в своей комнате и слушал. Он только сейчас узнал, что та работа, которую он не любил, спасала больной матери жизнь. А он хотел бросить её одну—он ведь думал, что, став пулемётчиком, лучше спасёт её от немцев и отомстит за отца. Игорёк понял вдруг что-то другое. И ему показалось, что тот мальчик, который хотел бежать от матери на фронт, был не он.

На другой день мать Игорька привела Алика. Он мало и плохо ещё говорил, часто плакал, и его узенькие серые глазки на пухлом лице смотрели хмуро.

Вечером Игорёк лёг спать вместе с Аликом. Он укрыл его одеялом, обнял рукой за шею. Мать сидела в своей

комнате. Вдруг какие-то однообразные звуки, похожие на жалобу или на плач, привлекли её внимание.

— Бомба бух, бомба бух...—слышалось из детской.

Это был голос Алика.

Мать встала и подошла к детям.

— Алик всё ещё плачет?—спросила она.—Может быть, у него что-нибудь болит?

— Что ты, что ты, мама!—торопливо шопотом прервал её Игорёк.—Это Алик рассказывает мне, как немцы бомбили его город.

— Ах, вот что!—сказала мать.—А я не поняла—очень шумит река, я не слышала. Что же он тебе рассказывает?

— Ах, он так страшно рассказывает!—всё тем же таинственным шопотом продолжал Игорёк.—Трамваи в городе сломатые, мосты взорватые, фашисты по небу бегают, а бойцы-пулемётчики их бьют, всё бьют, всё бьют... Вот послушай, мама. Алик, рассказывай дальше.

— Бомба бух...—затянул опять Алик.

Он плохо говорил и знал мало слов.

Мать постояла, а потом пошла и легла на свой диван.

За стеной шумела река, как будто шипел ливень. Уже высоко поднялась луна, а из комнаты мальчиков, хотя уже редко и сонно, но всё ещё доносились те же самые два слова:

— Бомба бух, бомба бух...

А Игорёк всё слушал. И хотя он уже знал, что сейчас не может стать пулемётчиком, что он просто мальчик, которому надо делать своё небольшое, но очень важное для мамы и Алика дело, но всё же он был только мальчик и не мог расстаться сразу со своей мечтой.

И, слушая уже бормотавшего во сне Алика, Игорёк в последний раз помечтал о пулемёте, и в голове его проносились картины смертного боя с фашистами, где и он, бесстрашный пулемётчик, всё бил и всё бил ненавистного врага.

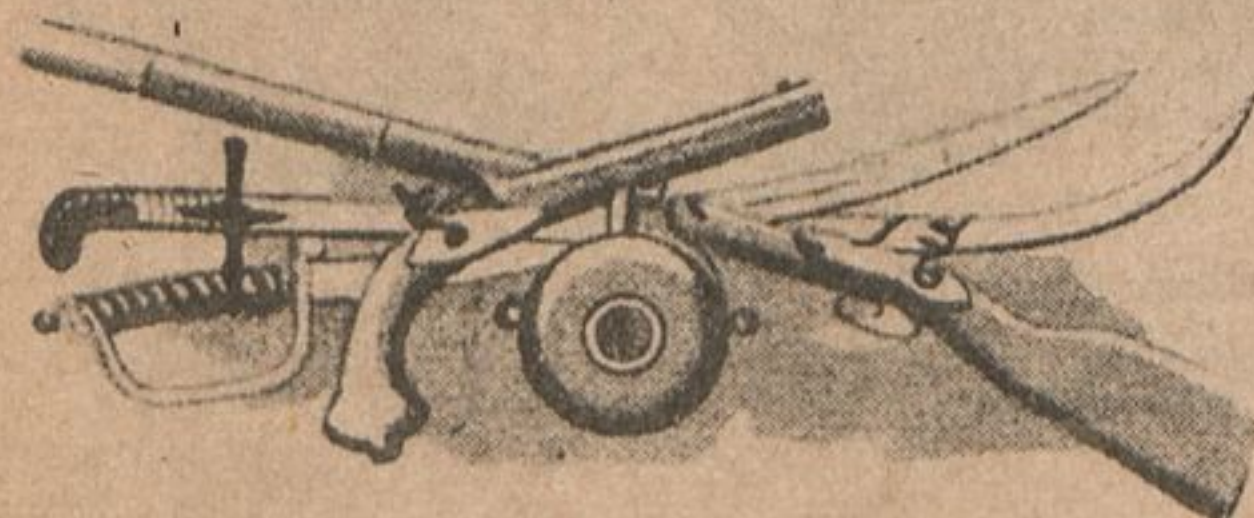
Комсомольцы пришли.

ЮНЫЕ МОРЯКИ ПЕТРА I

Русский царь Петр Первый построил русский флот. Он открыл Мореходную школу, в которой учились будущие русские мореплаватели. Воспитанников этой школы прозвали «птенцы Петровы».

КАДЕТЫ СУВОРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Русские мореплаватели с детства изучали навигацию — искусство водить корабли — и науку морского боя. Потом Мореходная школа стала называться Морским кадетским корпусом. Он существовал больше двухсот лет.

ПЛАВАТЕЛИ

Рис. Г. ЕЧЕИСТОВА.

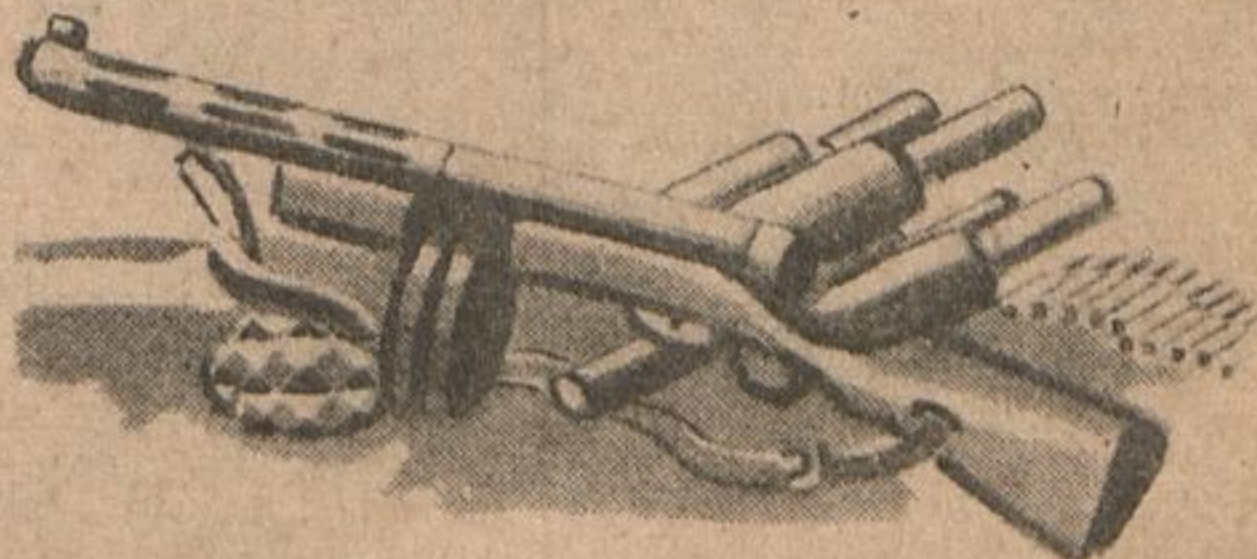
МОРЯКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Воспитанники Морского кадетского корпуса были гордостью русского флота. Бесстрашные моряки воевали за родину, исследовали моря и океаны, открывали новые земли, составляли первые карты России.

СОВЕТСКИЕ ЮНГИ

В Чёрном море, в Балтийском море и в Ледовитом океане советские моряки сражаются за честь и свободу своего отечества. А молодые советские юнги учатся в морских школах, чтобы стать хорошими моряками.

СЛУЧАЙ С АКТЁРОМ

Сам я актёр.

До войны приходилось разные роли играть: гримировался, переодевался немало.

А сейчас всё как-то проще стало.

Я работаю во фронтовом театре, и костюм мой всегда на мне—погоны, защитная гимнастёрка, брюки галифе, пилотка, высокие сапоги, кобур с пистолетом у пояса—всё из армейского вещевого склада. Ну, а грим, какой же грим военному товарищу? Работаю без грима, благо лысины пока не наблюдается.

Есть, впрочем, одна роль, где я не себя играю, а немца, немецкого лейтенанта господина фон-Штюкке.

Но немецких мундиров у нас теперь много множество, и выбрал я себе подходящий. И получился из меня натуральный фон-Штюкке, мерзавец, каких свет не видел.

Взял я ещё в руки хлыстик, вставил в глаз стёклышко—ну, просто картинка! От настоящего немца ни за что не отличишь!

Конечно, в бою немцы хлыстиков и стёклышек не носят, но первый акт происходит ещё в Германии.

В последний раз мы играли пьесу на самых передовых, у пехотинцев. Публика собралась в колхозном овине.

В антракте к нам подошёл полковник.

— Сколько у вас действий?

— Четыре.

— Длинная. Не знаю, удастся ли вам закончить спектакль. Есть сведения, что противник начал шевелиться.

И мы начали второй акт: фон-Штюкке во Франции, в Париже.

Играем, говорим всякие полагающиеся по роли гадости, а у самих одна мысль: как бы до начала боя закончить представление.

В общем обстановка довольно нервная. Но актёру фронтового театра к ней не привыкать.

Так мы довели второе действие, кажется, до середины. Вдруг в конце овина, там, где вход, начинается беспокойство, зрители встают, выбегают. Получается—не успели мы...

И вскоре театр наш совсем опустел.

Раз зрители ушли—значит спектакль кончен. Не для самих же себя играть!

После короткого совещания мы решили тоже пойти в бой. Полковник уже на передовые ушёл. Он бы, конечно, не пустил.

Оружие у нас всегда при себе: ППД, ППШ, миномёт, винтовки. И вот через минуту или несколько больше мы уже

не театр, не труппа, а бойцы.

Вышли из овина; кругом стрельба, шум, крик—идёт бой.

Я, как был в костюме фон-Штюкке, так и остался,—понимаете сами: времени, чтобы разгримироваться, совсем не оказалось. А товарищи мои, актёры, побежали вперёд, чтобы присоединиться к нашим.

Мне за ними никак не поспеть. Я и отстал.

Уже темнело, было часов семь вечера.

Остановился я, глотнул воздуха, вытер со лба пот и опять вспотел: идут, да прямо на меня, два фрица! В руках у них что-то белое — бумажки какие-то.

Что делать? Я пошёл им навстречу. Они стоят, двинуться не могут—тоже, верно, не ждали. Но когда я уже совсем близко подошёл, вытянулись.

— Herr Leutnant!

За фон-Штюкке приняли! За своего!

А по-немецки я совсем не говорю. Так только «вас ист дас?», что в школе проходил, знаю.

Как тут быть?

Нужно что-то сказать... И решил я притвориться, будто зубы болят, будто простудился. Схватился за щеку и мычу что-то—не поймёшь по-немецки, не поймёшь по-русски.

Немцы опять:

— Herr Leutnant!

А сами меня как-то стороной обходят.

Что, думаю, им надо? Может, догадались, может, другое, а только, изловчив-

шись, они накинули мне на голову какую-то плотную тряпку и закрутили сильно...

Без воздуха я задохнулся и потерял сознание.

Я пришел в себя в нашем штабе.

— Бой уже кончился,—сказал мне полковник.—Немецкая атака отбита. Можно продолжать спектакль. Остановка только за вами.

Вскочил я с лежанки, протёр глаза—ничего не понимаю! Почему это наш штаб, почему кругом наши?

— Товарищ полковник, а где же мои фрицы?

— Они шли с советскими пропусками, сдаваться шли,—сказал полковник.—Вас с собой как вещественное доказательство прихватили. Вы ещё малость отдохните, а потом, пожалуйста, на сцену. Бойцам игра ваша очень нравится.

МАША

У бабушки с дедушкой внучка была, и звали её Маша. Зашли за Машей подружки.

— Отпусти, бабушка, с нами Машу в лес — грибы собирать.

Пошли в лес. За пенёк да за пенёк, за грибок да за грибок, разошлись подружки по лесу. Заплуталась Маша в лесу, влезла на берёзу и плачет.

А по лесу медведь идёт. Остановился под берёзой и спрашивает:

— Что ты, девочка, плачешь?

Маша говорит:

— Ходили мы в лесу за грибами, подружки меня не подождали, я и заплуталась.

А медведь говорит:

— Идём ко мне в дом.

Слезла Маша с берёзы и пошла за медведем. Пришли домой. Медведь на дворе дрова стал колоть, печку топить. А Маша плачет — медведя боится. Что ей делать, как домой попасть? «Давай, — думает, — пирогов напеку».

Пошёл медведь к соседям топор отнести, а Маша стала пироги печь. Напекла пирогов

много-много и стала придумывать, как ей медведя обмануть, к дедушке с бабушкой вернуться. И придумала. Поскорее в корзинку легла, пирогами накрылась и кричит:

— Неси, Миша, пироги дедушке с бабушкой!

А медведь думал — она из кладовой кричит ему; взял пироги, понёс. А Маша из корзинки ему:

— Смотри, Миша, я сяду на крышу и буду глядеть. Как начнёшь пироги есть, так я закричу.

Вот идёт Миша по лесу, идёт долго. Захотелось ему есть, он и говорит:

— Сяду на пенёк,

Съем-ка пирожок.

Только сел на пенёк, а Маша из корзины кричит:

— Не садись на пенёк,

Не ешь пирожок!

— Э, какая хитрая! — говорит Миша. — Высоко сидит, далеко глядит.

Взвалил корзину на плечи и пошёл дальше. Идёт, а солнце печёт, жарко ему.

«Дай-ка отдохну, — думает, — да поем пирожка. Маша далеко, не увидит меня!»
И запел:

— Ну-ка, сяду на пенёк
Да поем пирожок.

А Маша из корзинки:

— Не садись на пенёк,
Не ешь пирожок!

Миша перетрусил, взвалил корзинку на плечи и пошёл дальше. Шёл, шёл, приходит к дедушке. Взошёл на крыльцо, а собаки залаяли. Миша поставил корзинку и убежал.

Дедушка вышел на крыльцо — корзинка с пирогами стоит. Взял пироги, а под пирогами Маша лежит, смеётся.

— Ты что смеёшься? — спрашивает дедушка.

— Меня Миша сам к тебе принёс, — отвечает Маша.

Тут соседей всех позвали, пировать стали, все пироги съели, Машу похвалили.

*Анна Горелова, 11 лет
Колхоз «Большевик» Горьковской
области.*

Записала Н. КОМОВСКАЯ.

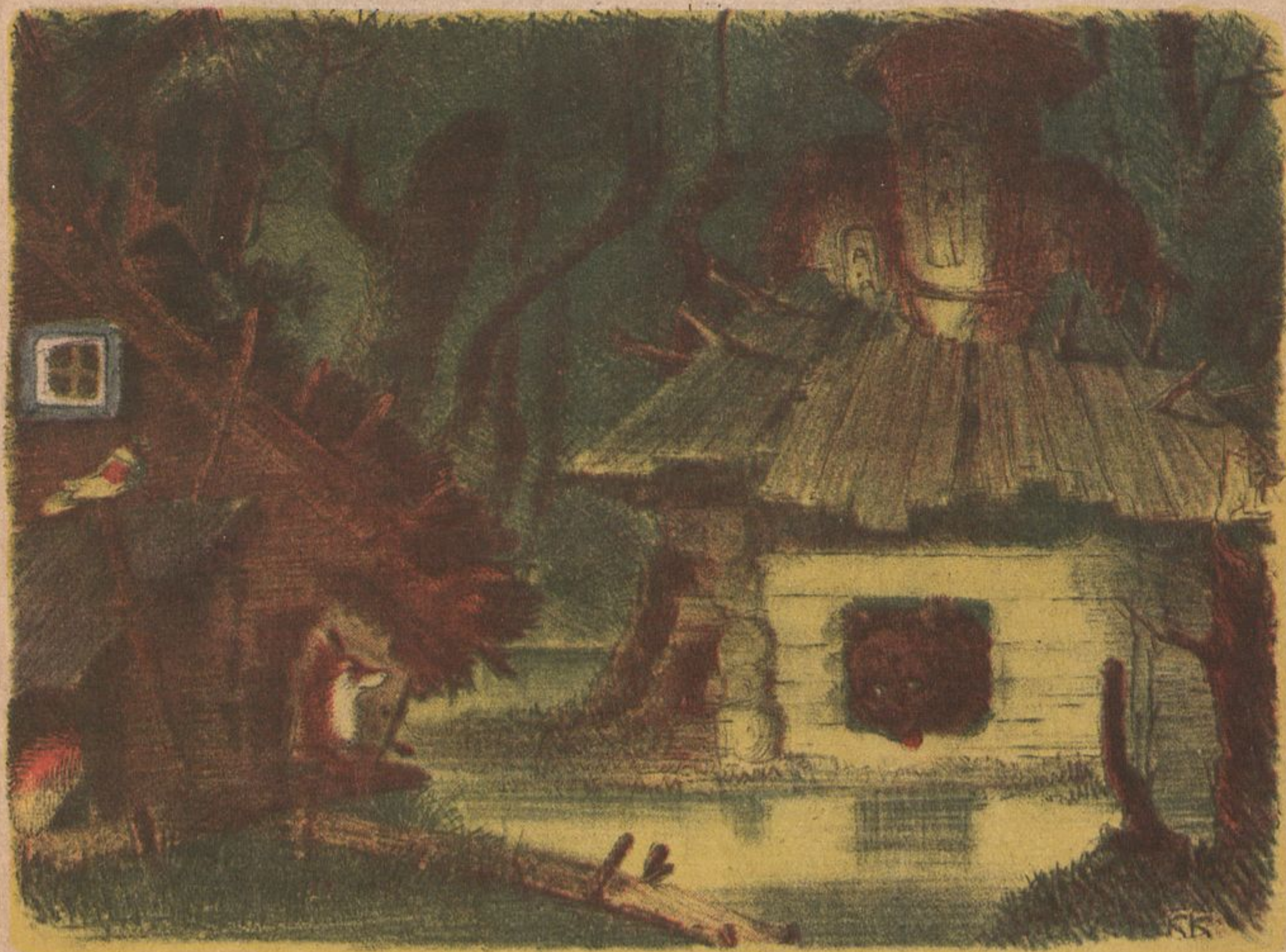

Рис. К. КУЗНЕЦОВА

МОЯ СЕСТРА

Была обыкновенная
Она ещё вчера.
Теперь сестра военная,
Военная сестра.

Сестре на складе выдали
Большие сапоги.
В один сапог—мы видели—
Влезают две ноги.

— Нога мала,—смущённые
На складе говорят.
И выдали суконную
Шинель до самых пят.

В санитарном кружке!

Рис. Н. ХОДАТАЕВА

Ей все шинели мерили,
Но меньше так и нет.
И там сестре не верили,
Что ей семнадцать лет.

У ней косичка белая
Вчера ещё была.
Моя сестрёнка—смелая,
Хоть ростом так мала.

Когда летал над крышами,
Над нашим домом враг—
Она всегда с мальчишками
Влезала на чердак.

Шумел пожар над городом,
Дрожал огромный дом.
Она стояла гордая
С пожарным рукавом.

В дымящие развалины
Влетала, как стрела,
Откапывала раненых,
В укрытие несла.

Теперь сестра учёная,
Военная сестра,
На ней шинель с погонами,
Сестре на фронт пора.

Она в подарок платьице
Своё мне отдала.
У мамы слёзы катятся:
— Уж больно ты мала!

А сердце-то, как правило,
По маленьким болит.—
Сестра ремни поправила
И тихо говорит:

— Что голову повесила?
Я, мама, на посту.—
И добавляет весело:—
На фронте подрасту!

РОДНАЯ ПРИРОДА

ЗИМНИЙ ДОМ

Н. ПЛАВИЛЬЩИКОВ

Рис. Ю. БЕЛЯЕВОЙ

Вон на яблоне висит листик. Некрасивый, сморщенный, бурый. Свернулся листик и болтается — крутится на осеннем ветру.

Это не простой листик. Это — зимний дом. Живёт в этом доме десятка два, а то и три жильцов.

Летом в саду летали большие белые бабочки — боярышницы. Бабочки садились на яблони и груши и откладывали яйца. Из яичек вывелись крохотные червячки — гусеницы. Листик, на котором они жили, был для них сразу и домом и едой.

Червячки выпускали тонкую паутинку. Паутинками они скрепили два листа. Паутинкой прикрепили эти листья к ветке.

Дни шли, червячки ели и росли. Листики свернулись. Получился пакетик из листьев, стянутый паутинкой и пришитый к ветке.

В августе червячки перестали есть. Они принялись ткать внутри пакетика. В доме появились комнаты — паутинные мешочки. И в каждой комнате-мешочке было по жильцу, по маленькому червячку. Хороший зимний дом! В нём тепло и мягко.

Всю осень, всю зиму висит домик из листьев на ветке. Всю осень, всю зиму внутри домика крепко спят маленькие червячки, дети бабочки-боярышницы. Весной, когда набухнут почки, червячки выползут из своих комнаток, выползут из домика. Голодные червячки начнут грызть почки. Распустятся листочки — они будут есть их. Растут листья, растут и червяки. Большие листья грызут уже большие червяки, взрослые гусеницы.

В начале лета гусеницы превращаются в куколки, и скоро в саду появятся белые бабочки — боярышницы.

Было много боярышниц в саду — яблук не соберёшь.

Домик из листьев не просто «домик». Его жильцы — враги сада.

Сбереги яблочки в саду, уничтожь врага!

Осенью или зимой осторожно сними с веток зимние домики боярышницы. Собери их и сожги. Останется домик на ветке, останется упавший домик на земле — в саду остался враг.

Запомни навсегда: жильцы зимних домиков воруют у тебя яблоки.

ВСЯКОМУ СВОЁ

Хвостатый тритон летом в пруду жил, а на зиму в лес уполз, под кору гнилого пня забился. Здесь он будет зимовать.

Серая лягушка всё лето в лесу провела. А как заглодало — прискакала к пруду, залезла в воду. Нырнула на дно да и забила в ил. Глубоко закопалась, словно пятью толстыми одеялами накрылась. Здесь она проспит всю зиму.

Наступит весна, оттаёт пруд. Проснутся лягушки, проснутся тритоны. Лягушки полезут из воды на берег, а тритоны поползут с берега в воду.

ЗАГАДКИ

В гору бегом, а под гору кувырком.
Какого зверька против шерсти не погладишь?

Кто очки не на глазах носит?

НАРОДНЫЕ ПРИМЕТЫ

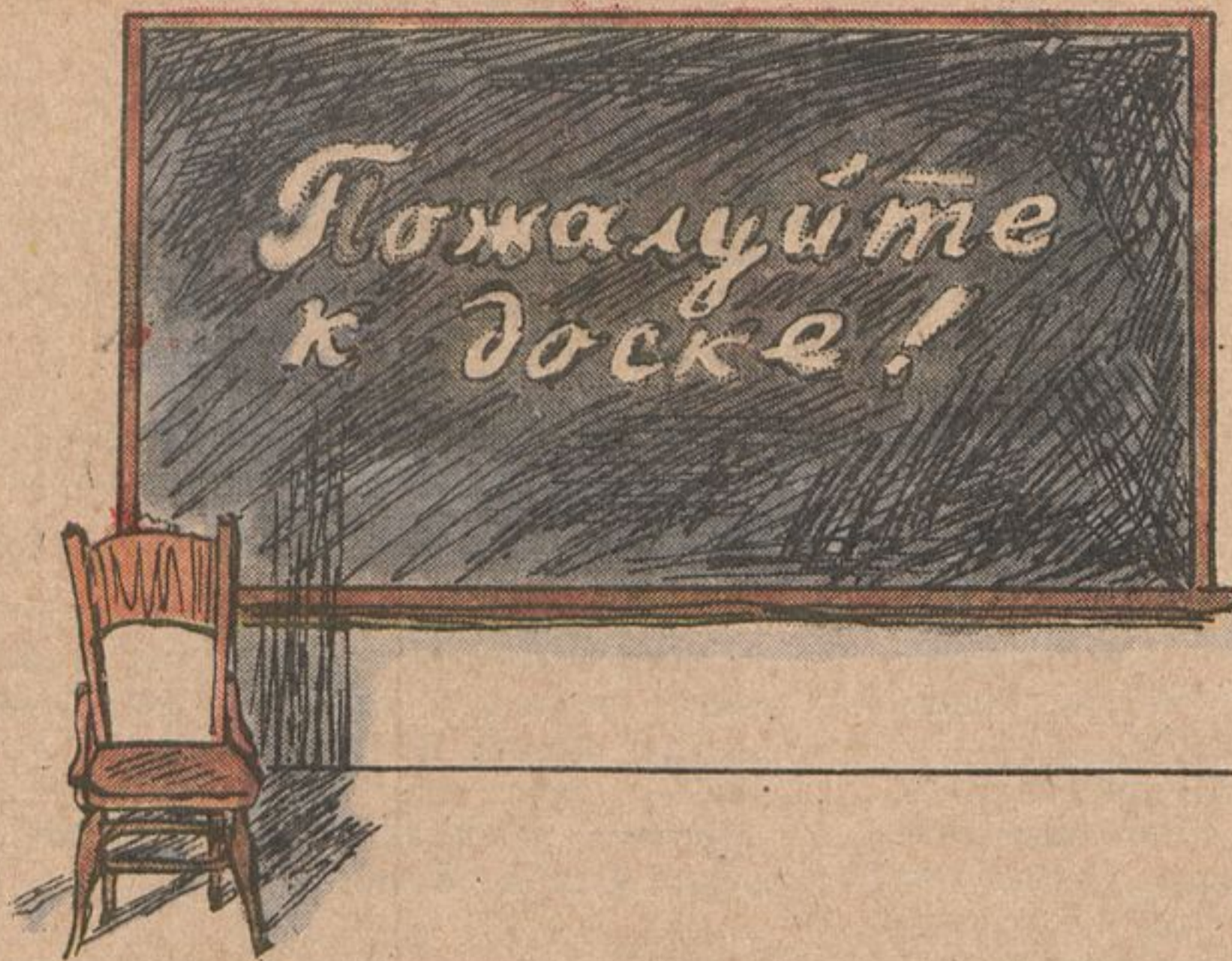
Дым столбом — к морозу.

Если ночью был иней — днём снег не выпадет.

Кошка в печурку — стужа на двор.

Кошка моется — к вёдру (к ясной погоде).

Динь-долинь-динь!
Звонок. Начинают-
ся уроки. Прошу всех
сесть на места.

Разрешите позна-
комить вас с вашим
учителем. Зовут его
Иван Вопросович. Он
будет преподавать все
предметы, какие есть
и каких нет в других
школах.

— Иван Вопросо-
вич! Прошу вас на-
чать занятия. А мне
пора в кабинет—рас-
смотреть 3984 пись-
менные работы новых
учеников, державших
испытания в 9-м но-
мере «Мурзилки».

УРОК 1-Й—ЧТЕНИЕ

Иван Вопросович. Вы удивлены,
я вижу? Урок чтения! Но ведь вы все
давно умеете читать, не так ли? Пре-
восходно! В таком случае прочитайте
мне вот этот маленький рассказик. Чи-
тайте!

КЯК МЫ ЖИЛИ НЕ ДИЧЕ

Утром мы ели минную кошку, и
потом брили тучку сторожу и ку-
тили по суду Сушу и Рею—ребят
тети Миши. Они были мулы и ки-
чились в точке, кричи, что плывут
на буркосо и теперь буря и кочки.

Что? В нём нет никакого смысла? Ага!
Вот тут вы и ошибаетесь. Если бы вы
внимательно читали, вы бы поняли, в
чём тут секрет. Неопытный наборщик, на-
бирая этот рассказик, не мог найти кассу
с буквой «а». А так как он был ленив
и торопился, то и брал каждый раз,
когда встречалось «а», другую гласную,
лишь бы получилось какое-нибудь по-
нятное слово.

Так вот—пожалуйста к доске и со-
образите, какие гласные надо заменить
буквой «а», чтобы получился понятный
рассказик.

ПЕРЕМЕНА

Давайте играть в игру «Слон из мухи».
Это вот такая игра: берётся слово и
в несколько ходов превращается в дру-
гое. Каждым ходом вы изменяете в слове
одну букву так, чтобы получилось но-
вое слово. Например: сделаем из «листа»
«розу».

Хотите? Для этого понадобится пять
ходов. Смотрите:

Лист 1. Лиса 2. Киса

3. Коса 4. Роса 5. Роза

Понятно? Ну, давайте делать «дым»
из «бора». Кто потратит на это меньше
всего ходов?

УРОК 2-Й — БОТАНИКА

Иван Вопросович. Летом мы узнавали деревья по листве, как людей по одежде. Сейчас деревья стоят голые, и не сразу признаешь старого знакомого. Скажите, какие деревья здесь нарисованы.

УРОК 3-Й — ЗООЛОГИЯ

Иван Вопросович. На этом уроке будем изучать домашних животных, которых вы тоже, без сомнения, прекрасно знаете. Поглядите внимательно на этих так хорошо знакомых вам лошадей, коров, овец и коз и скажите, правильно ли они здесь изображены.

Год издания двадцатый.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Редколлегия: А. П. БАБУШКИНА (ответ. редактор), Т. Я. КАРПИНСКАЯ, Л. М. КВИТКО, В. В. ЛЕБЕДЕВ, М. Н. СКАТКИН, К. А. ФЕДИН.

Адрес редакции: Москва, Новая площадь, 6. Тел. К 5-82-91.

Подписано к печати 4/X 1943 г. Л73097. Объем 2,5 печ. л. 2,8 уч.-изд. л. 32000 зн. в печ. л. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1400.

3-я тип. «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Краснопролетарская, 16.

МОРЯК

А. ТРОФИМОВА

Любит он корабль просторный,
Грохот якорных цепей;
У него две ленты чёрных,
Бескозырка до бровей,
Ветром вздутая рубаха
И квадратный воротник;
Он начищенную бляху
На ремне носить привык.
Он на палубе—как дома:
Пишет письма, кофе пьёт;
У него тюлень знакомый
Под Чукоткою живёт.
С берегов далёких птицы
За кормой над ним летят,
Вкусной пищей поживиться
Из моряцких рук хотят.
И никто быстрее и лучше
Не варил ещё ухи:
Под рукой и ёрш колючий
И морские петухи.

Он чудес видал немало,
Он объехал шар земной,
Дрался он с полярным шквалом
Перед самою войной.
А теперь с врагом дерётся
Боевой наш русский флот.
За отвагу краснофлотца
Уважает весь народ.
Он идёт в атаку первым
И на суше, и в морях.
Крепче нет моряцких нервов,
Лучше флотских нет рубах.
Всё такому удаётся.
Ждут его на берегу.
Быть военным краснофлотцем,
Может быть, и я смогу.
Я б хотел однажды утром
Вдруг проснуться моряком
И ходить в рубашке вздутой
Вот с таким воротником.
Ленты б чёрные кружились,
Бляху я натёр бы так,
Чтоб мальчишки говорили:
«Посмотри, какой моряк!»

